

Дононбаева Г.А.

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Взаимодействие идеи и реальности играет весьма важную методологическую роль в исследовательском поиске. Без определенной идеи в голове человек не замечает значимых фактов изменяющейся реальности. Ведь, в идее отражается давление какой-то реальной потребности в виде напряженного противоречия. И только тогда, когда идея овладевает сознанием человека, он находит целесообразные пути и способы институционального преобразования реальности.

В этой связи, отмечая регулятивные действия и функции, присущие институциональным образованиям, Д.Норт дает такое определение: «Институты представляют собой **созданные людьми ограничения, которые структурируют человеческую деятельность**. Они состоят из формальных ограничений (правила, правовые акты, конституции), неформальных ограничений (нормы поведения, обычаи, добровольные поведенческие стереотипы) и санкций, принуждающих к их исполнению (enforcement)» [1]. Иначе говоря, институты – это «правила игры», предполагающие универсальные (формальные) и/или партикулярные (неформальные) нормы и санкции и тем самым задающие стимулы к определенному поведению. Варианты соотношения между формальными и неформальными институтами могут быть различными [2].

Таким образом, *институтами* (от лат. *institutum* – *установление*) считаются все *установившиеся* явления и процессы, которые обеспечивают *устойчивость* определенного порядка и обозначают *закрепившийся* комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой и государственной деятельности и *организующих* их в систему ролей и статусов, *образующих* общественную систему. Они *устанавливают* ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между государствами. Ограничения упорядочивают такие взаимоотношения, делают их относительно *стабильными и предсказуемыми*.

Конкретно-исторические *институциональные условия* формирования «нации-государства» как политической реальности сложились в Новое время, в эпохи Возрождения (Ренессанса), Реформации и Контрреформации (XV-XVII вв.). Вместе с тем, определенные *институциональные предпосылки* опережающего осознания данной потребности в форме политической идеи уже закладывались в предшествующие эпохи. В их

реальной основе скрывалось трудно разрешимое в жизненной практике противоречие между **индивидуальным** и **коллективным** началами в человеческой природе.

Как известно, следуя потребностям и интересам, идущим от природы, человек неизбежно сталкивается с такими же потребностями и интересами других людей. В результате образуется обширное пространство конкуренции и конфликта. И.Кант передает данное состояние в «поэтическом» образе: «Человек стремится к гармонии, но природа лучше знает, что хорошо для рода человеческого. Она хочет дисгармонии». Чтобы в полной мере развить человеческие способности и силы, природа, как это ни парадоксально, избирает противоборство в качестве главного средства, орудия осуществления указанной цели.

Раскрывая суть гражданского общества, Гегель справедливо указывает, что «в гражданском обществе каждый для себя цель, все другие для него ничто». Вместе с тем без связи и отношений с другими «он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей», которые ставит перед собой каждый [3].

Поистине парадокс. С одной стороны, в гражданском обществе личность может развернуться и активно действовать лишь в условиях конкуренции и соперничества, а это «исключает» других как цель, превращает их в средство. Но с другой стороны, она может развить свои созидательные силы только во взаимодействии с другими, что заставляет ее считаться с другими и их целями. И в этом удивительном социальном пространстве взаимосочетания соперничества и сотрудничества реализуется потенциал каждой личности.

С древнейших времен до наших дней государство, институты, составляющие его звенья, были призваны гармонизировать отношения людей, не дать возможности противоборству общественных сил выйти за приемлемые пределы и приобрести разрушительный характер. Но, «гармония», вековая мечта мыслителей, оказывалась недостижимым идеалом. Каждая эпоха думала, что достижение «гармонии» не за горами. Стоит найти верные пути решения кардинальных ныне проблем, ставших «камнем преткновения», основной причиной неурядиц, столкновений, противоречий и конфликтов, как сразу же откроется прямая

столбовая дорога. Но жизнь преподносила новые, еще более сложные проблемы.

Уже начиная с Сократа и Платона, политическая мысль упорно искала модель «идеального государства», в котором *частные интересы граждан органически сочетались бы с интересами общества*. В поисках такой «модели» сформировались две идеи государства: **правового** (верховенство интересов личности) и **национального** (верховенство интересов общества), каждая из которых давала свой ответ на вопрос о том, каким должно быть «идеальное государство». Сократ всю причинно-следственную цепь жизненных явлений выводит не из *институционального, а человеческого* начала. Если в демократических Афинах, говорит он, дела гражданственности приняли плачевный характер, то причина не в самих институтах, а в людях, направляющих деятельность этих институтов. Если в олигархической Спарте дела гражданственности обстоят благополучно, то причина опять-таки не в институтах, а в людях, продвигающих деятельность этих институтов. Вопрос в том, какие интересы двигают поступками людей? Платон, рассуждая в том же ключе, отмечает, что в истории существуют три хороших и плохих форм государственного правления: **монархия – тирания, аристократия – олигархия, демократия – охлократия**. Но даже хорошая форма в руках плохих правителей обладает разрушительной силой. Проводя различие между ними, он акцентирует внимание на том, что здесь является движущей силой – частные или общие интересы? Государство, в котором засилье частных интересов преодолено и определяющим мотивом поведения людей становятся общие интересы, в конечном счете, выживает и развивается. И наоборот, государство, не сумевшее направить свою деятельность в русло общих интересов и оказавшееся в жестких тисках частных интересов, в конце концов, деградирует и гибнет. Свои симпатии и Сократ, и Платон отдают воплощению в жизнь общих целей. «Идеальное государство», как форма организации жизнедеятельности общества, изначально, выражая «общие интересы», ставит задачу умерить разрушительный потенциал и дать простор созидательным силам, заложенным в конкуренции и противоборстве.

Возьмите человека, вышедшего из времени Ренессанса и Реформации. Возрожденческая культура рождает титанов. Эти титаны были художниками, писателями, поэтами, мыслителями, учеными, политиками, путешественниками, завоевателями, авантюристами. Они ощущали в себе никогда прежде не испытываемое чувство безграничной силы, способности

проникнуть в глубочайшие тайны природы, открыть и завоевать неведомые пространства, подчинить других людей своей прозорливостью и смелостью. Каждая такая личность-титан в своем безудержном самоутверждении хочет решительно все на свете покорить. Но она не в единственном числе. Их множество и каждая личность из этого множества жаждет своего абсолютного самоутверждения. Это стремление ничем иным не может кончиться, как только безграничным соперничеством и желанием уничтожить друг друга. И все такого рода титаны погибают во взаимной борьбе, стремясь полностью властвовать и тем самым исключая других из круга жизни. (См. более детально: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982, с. 610-612).

И действительно, Европа сразу же после периода Реформации надолго проваливается в яму бесконечных религиозных и гражданских войн, совершенно разрушивших узы какого-то подобия порядка и законности. На смену личностям-титанам, с их героическим характером, являются толпы людей мелких, «буржуазно ограниченных», по выражению Ф.Энгельса, но отличавшихся безмерными амбициями, пошлым тщеславием и корыстными интересами. Они также обуреваемы жаждой покорения, овладения и борьбы. Необузданное своеволие личности такого типа стало знаком того времени. И оно, это чудовищное своеволие, заставляет вновь и вновь бросать целые народы в огонь войны. Особенно тяжким и невыносимым было бремя Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) Лишения и бедствия того времени были невыносимыми. «...Миллионы языков молили лишь о мире, и самый невыгодный мир казался уже благодеянием небес»[4.]

Результаты гражданских войн для Европы были ужасающими и катастрофичными. В Германии и Франции массовый террор, войны, голод, болезни и другие бедствия унесли жизни двух третей населения этих стран. Европейские страны страдали от бесчисленных диких разбойничьих банд. Земледелие находилось в страшном упадке. Некогда цветущие земли превратились в мертвые пустыни. Мануфактурное производство шелка и сукна держалось на последнем издыхании. Мастерские художественной индустрии, изделий из стекла и фаянса прекращали свое существование. «Масса земли, - отмечал историк Р.Виппер, описывая положение дел во Франции, - была заброшена; города, деревни и фермы лежали в развалинах; население частью разбежалось; всюду составлялись разбойничьи шайки, в которых участвовали солдаты, оставшиеся без дела после прекращения войны». (См.: Виппер Р. Краткий учебник новой истории. М., 1912, с.57) В Англии же

религиозные распри вызвали нескончаемый поток гражданских войн и политических междоусобиц. Итогом длительных раздоров были политическая и аграрная революции, которые уничтожили на корню старинную феодальную знать и крестьянство. На их место пришли «новое дворянство», промышленная буржуазия и рабочий люд. Бродяжничество в Англии и континентальной Европе приняло колоссальные масштабы. Нищета и бедность стали обыденными в жизни громадных масс населения. И казалось, этим разорительным процессам нет конца и краю.

Уже в XVI в., а тем более XVII в., пробил час, когда европейская мысль начинает критически пересмысливать гуманистические плоды эпохи Возрождения. Становилось очевидным, что ренессансная атмосфера самоутверждения и возвеличивания «титанической» личности, формируя в человеке высшие гуманистические идеалы, вместе с тем, рождает из своих глубин бесконечное чудовище индивидуалистического эгоизма. Ренессансный человек думает только о себе и полагается только на себя. И этот стихийно кричащий, необузданный культурой, эгоизм делает конфликтный характер индивидуального поведения состоянием души и ума массового человека. Вместо ожидаемого благородства и великодушия, следствием ренессансного духа становится беспредельная корысть и алчность. Именно крушение радужных надежд заставляет трезво и глубже поставить вопрос о природе человеческих интересов и о культуре, способной ввести разгул и хаос индивидуалистических страстей и побуждений в орбиту цивилизованного общения людей. Как гуманистический мыслитель Монтень не мог в принципе отвергнуть родное детище - концепцию «титанического индивидуализма», - в муках рожденную в лоне Ренессанса. Однако он, как и другие глубокие философы, не мог не видеть, что возрожденческий индивидуализм, вышедший за всякие разумные границы, превращается в чудовищный эгоизм, разрушительно воздействующий на саму природу человека.

Для Европы ребром встал вопрос о жизни или смерти. Нужно было искать выход из сложившейся ситуации, думать о дальнейшем выживании общества и предотвращении распада государства. Только мир мог обеспечить сохранность жизни. Решение вопроса о достижении мира приобретало в общественном сознании характер приоритетной ценности. Кто был способен умиротворить идущий по пути взаимоистребления народ, обуздать стихию антагонистичных частных интересов, обеспечить единство страны и о б щ и е интересы

всех слоев населения? Мыслящим людям того времени становилось понятным, что новоевропейское гражданское общество, в отличие от средневекового, по логике своего внутреннего развития нередко тяготеет к тому, что его частные интересы приобретают самодовлеющий характер по сути неразрешимых противоречий. Они разрушают целостность гражданской жизни. И только такой политической строй, который бы встал над этим пространством частных интересов, умерял и примирял их, тем самым сохранял единство социального бытия, был способен вывести из катастрофического положения. Пожалуй, впервые политическое мышление начинает придавать самодовлеющее значение в сохранении целостности рода человеческого такому фактору, как привитие культур «гражданственности» и «подданничества» в их взаимном сочетании.

Какое же государство адекватно отвечало этим требованиям? Таковым могло быть только **национальное государство**, идущее на смену феодальной «сакрализованной державе». Именно оно обладало реальными возможностями стать в раздираемых конфликтами европейских странах централизованной, верховной, законной, суверенной властью. Только оно способно навести цивилизованный порядок и привести народ к умиротворению. Оно обладало внутренними возможностями органично совмещать в своей структуре гражданственность и подданничество, как свойства, противоположно ориентирующие человеческую натуру. В этом европейцы убеждались на опыте развития успешно продвигавшихся вперед в плане консолидации борющихся между собой внутренних сил и обеспечения реального единства страны Нидерландов, Англии и Франции.

В крупном общеисторическом масштабе процесс формирования единой нации и становления национального государства в ряде стран Западной Европы совпал как по времени, так и по содержанию. Поэтому в современной научной литературе получило распространение два равнозначных и равновеликих термина: «нация-государство» и «государство-нация». В европейском сознании понятия «нация» и «государство» имеют примерно одинаковое значение и смысловое содержание. Например, смысловой контекст Организации Объединенных Наций не означает ничего иного, кроме как организации объединившихся государств. И на самом деле, в конкретно-исторических условиях можно было в течение ряда столетий наблюдать процесс взаимообусловленности образования нации единым государством и становления

государства единой нацией. Во всяком случае, как свидетельствуют исторические факты, в ряде стран Западной Европы генезис «нациогосударства» был взаимообуславливаемым и взаимопределяемым институциональным процессом.

Хотя, по мнению Р.Мартелли, исторически тенденция к централизации во Франции обнаружилась ранее становления нации, в силу чего «государство создало нацию, которая и существует... в форме национального государства»[5.] И действительно, как отмечал еще Ф.Энгельс, во Франции формирование нации происходило на базе нескольких средневековых феодальных народностей. Провансальская (южнофранцузская) народность «в средние века была не более родственна северофранцузской»[6.] С таким же успехом можно добавить, что, например, между жителями северной Нормандии и южной Гаскони также было очень мало общего. Централизованное государство создало основу для сплочения и формирования из различных этносов единой французской нации.

Начало формирования единой нации в Англии точно совпало по времени с возникновением централизованного государства в ХУ1 в. На базе развития внутреннего рынка, территориального единства, языковой и культурной общности, стала складываться экономическая и политическая целостность английской нации. Но дело в том, что единая нация уже во второй половине ХУ11 в., т.е. в начальный период Нового времени, превращается в качественное образование, воздействующее на процесс дальнейшего упрочения централизованного государства. В такой же степени, как государство консолидирует нацию, обратным своим влиянием нация консолидирует государство.

Процесс *институционализации* идеи национального государства в истории политической мысли шел в течение долгих веков. В данном контексте нельзя не вспомнить, что наши симпатии к Жанне д'Арк, которая в период Столетней войны пошла спасать Францию, вызываются тем, что в ее подвиге прорисовываются изначальные проблески чувства национального самосознания. В ее жертвенном поступке народ и Франция объединяются. Но этот стихийно сорвавшийся порыв исторического процесса не мог быть в те времена явлением массовым. В ходе той же Столетней войны можно было наблюдать, как жители многих провинций Франции, не обуреваемые никакими патриотическими чувствами к месту своего обитания, помогают англичанам. Например, так поступали гасконцы, которые считали себя потомками басков, ощущали себя чуждыми французам и в

течение долгой Столетней войны не раз оказывали поддержку английским рыцарям.

Конечно же, в средневековом политическом сознании не могло быть места для проявления в значимой степени каких-либо национальных чувств. Имперская идея государственности по определению является наднациональной. В ней преданность подданных ставится неизмеримо выше национального фактора. Население европейских стран в большей своей части представляло подданных своих государей, феодальных владетелей, которым национальная идея в принципе еще была чужда. По данному поводу еще А. де Токвиль писал, что тем, чьи привилегии достаются в наследство и статус-кво которых изначально незыблемо, само чувство национальной гордости не могло прийти даже в голову»[7.] И поскольку народ не образовывал из себя национальной целостности, а был лишь безликой массой подданных, никому из феодальных владетелей не могла прийти мысль о том, чтобы спросить мнения жителей отдельных селений и городов, кто ими будет владеть. Споры аристократической знати по вопросу наследования тех или иных земель никак не затрагивали основ их жизненного уклада и их не касались.

И все же происходили также другие события, вносящие какой-то новый импульс в жизненные процессы. Так, историки не забывают отмечать, что уже в Х1У в. с падением империи Гогенштауфенов в Европе начинает незаметным образом пробуждаться росток сознания национальной индивидуальности и идентичности, который как бы прокладывает дорогу к грядущей идее национального государства. Значимой вехой в этом процессе, видимо, стало царствование Филлиппа IV Красивого (1268-1314), апеллировавшего в своей борьбе с папой Бонифацием VIII к мнению Генеральных Штатов и в этой связи противопоставившего римскому теократизму принцип суверенитета королевской власти, основанного на национальной самостоятельности французского государства. Конечно же, это была вынужденная мера. Французский король не мог обосновывать свою власть, опираясь на идею ее божественного происхождения, поскольку папа, наместник Христа на земле, выступил против него. Поэтому он оказался вынужденным искать земное, мирское обоснование своей королевской власти. Здесь важно то, что был создан уникальный прецедент, который, будучи в те средневековые времена исключением, позже, в новоевропейские времена постепенно станет правилом.

Как бы подтверждая эту точку зрения, французский писатель М.Дрюон в серии своих романов, живописующих жизнь королей Франции в эпоху позднего средневековья, отмечает,

что уже в первой половине XIV в., в период короткого правления Филиппа V, сына Филиппа IV Красивого, среди французской знати не существовало таких глубоких противоречий, как среди английской. Конечно же, по-прежнему, «среди дворянства возникали кланы и группировки, но вся знать была заодно, когда дело касалось их общих интересов или защиты королевства. Во Франции идея нации была более определенной, и укоренялась глубже.

Английский мыслитель Уильям Оккам (1285-1349), преподававший в Оксфордском университете, обвиненный в ереси и бежавший в Баварию, выступая против притязаний авиньонских пап на мировое господство, апеллировал также к национальной идее в обосновании суверенности Германской империи. Положение, таким образом, уже в средние века отличалось противоречивостью. Как бы то ни было, зародыш национальных чувств обнаруживается уже в эпоху развитого классического феодализма. Но этому зародышу нужно было еще прорасти корнями, укорениться на почве средневекового общественного бытия и только лишь в новоевропейское время взойти обильными плодами.

В этом контексте, пожалуй, наиболее показательным является сопоставительный анализ политических идей итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (1469-1527 гг.) и английского теоретика Джона Локка (1632-1704гг.).

Несмотря на огромную временную дистанцию между ними, как это ни удивительно, они решали один и тот же круг исторических задач, распутывали один и тот же клубок жизненных проблем. Если говорить предельно коротко, то они оба являются **теоретиками национального государства**. Подобно тому, как в реальной политической истории, в ее *«институционализированных способах проявления»*, выделяются целостные эпохи, таким же образом в истории политической мысли, в ее специфических *«идеализированных формах отражения»*, вычлениются своеобразные единые фазы развития. С этой точки зрения Макиавелли и Локк принадлежат к одной исторической фазе развития политической мысли. Они являются представителями новоевропейской опытной политической науки. Они исследуют практику самой политической жизни, а не умозрительные логические схемы о ней. Только первый - Макиавелли - находится в начале, а второй - Локк - в конце этой исторической фазы. Один начинает, а второй как бы завершает целую «мыслительную» эпоху. Они пребывают на разных концах единого исследовательского «проблемного поля», в котором развертывается

противоборство различных политических идей, течений и направлений мысли.

Причем, тесно стыкуясь между собой в теоретическом обосновании институциональной роли национального государства в условиях новоевропейского времени, они существенным образом расходятся в понимании специфического значения его исторических форм. Иначе говоря, они размышляют не только о необходимости национального государства в новоевропейских условиях, но и о том, каким должен быть его реально-осязаемый облик, конкретные очертания и механизмы функционирования. Они оба ратуют за *силовой* принцип деятельности такого государства, но определяют его в различающихся плоскостях измерения. Первый, исходя из реалий своего времени, показывает жизненную необходимость принципа **п р а в а с и л ы**, а второй, напротив, сообразуясь с изменившимися условиями своего времени, доказывает непреложность принципа **с и л ы п р а в а**.

Вообще-то, исходный пункт их рассуждений - это благо индивидуалистической личности. Но хотя бы они в своей концепции индивидуалистической личности совершенно разного. Макиавелли хочет защитить интерес индивидуалистической личности от эгоистических поползновений этой же личности. Чтобы достичь этой цели, он избирает метод сплочения власти государства. Именно в абсолютной власти государства он видит способ сохранения интересов индивидуалистической личности. Локк же хочет защитить интерес индивидуалистической личности от эгоистических поползновений того же государства. Чтобы достичь этой цели, он избирает метод разделения власти государства. Именно в относительной власти государства он видит способ сохранения интересов индивидуалистической личности. Поэтому Макиавелли защищает доминирующую роль «государственного начала» в жизнедеятельности общества, а Локк, напротив, выдвигает на передний край роль «личностного начала».

Первый ищет способы обуздания «своевольной личности», а второй, напротив, ищет способы обуздания «своевольного государства». Макиавелли жаждет обуздать «необузданную личность» путем утверждения свободы государства. Поэтому он больше ведет речь о подданных, а не гражданах. Локк же жаждет обуздать «необузданное государство» путем утверждения свободы личности. Поэтому он больше ведет речь о гражданах, а не о подданных. Получается так, что первый видит в «присвоении воли» человека государством путь развития индивидуалистической личности, а второй, наоборот, предполагает такой путь в движении к «свободе воли» человека от

государства. В этой связи, Макиавелли представляет этатистское, а Локк - либеральное крыло новоевропейской политической мысли. Однако эта борющаяся мысль является лишь динамическим отражением многообразных реалий единого процесса развития национального государства.

Просвещение XVIII в., как известно, базировалось, прежде всего, на мировоззрении гуманистов эпохи Возрождения (XV-XVI вв.), считавших себя гражданами мира, а не какой-то страны. Например, Вольтер не признавал себя французом. Король Фридрих Прусский, в глазах современного мира величайший из немцев, говорил и думал по-французски и насмеялся над робкими попытками создать немецкую литературу. Гете был холодно недоступен для всякой патриотической страсти. «Стать нацией вы, немцы, надеетесь напрасно!» - бросил он своим соотечественникам. Л.Фейхтвангер, исследовавший этот вопрос, отмечал, что историческое сознание немецких писателей XVIII в. не отличалось от взглядов французов. Национальное чувство было им чуждо. Этому столетию патриотизм был просто неведом.

Понятие «нация» широко вошло в европейский политический словарь лишь после Французской революции конца XVIII в. Эта революция с ее идеей суверенитета нации, подлинным культом всего национального, не имевшего, впрочем, для французских революционеров никакого *этнического* подтекста и тесно связанного с понятием *гражданских* свобод, дала толчок развитию национализма. Социальная революция способствовала подъему и утверждению национального самосознания. Процесс становления национальной идеи здесь был направлен не во *вне*, а *внутри* (граждане против монархии и аристократии), и поэтому, естественно, она отлилась в концепцию гражданской нации без учета этнического фактора.

Следовательно, если зарождение первичных контуров современного государства условно можно возвести к XV-XVI вв., то идея нации и национализма в ее развитой форме сложилась не раньше последних десятилетий XVIII в., а политическая реальность «нации-государства» обрело ведущее значение только во второй половине XIX в. В результате, к тому историческому моменту, когда идея нации и «нации-государства» захватила воображение интеллектуалов как своеобразная политическая концепция, сам процесс такого государственного строительства в Европе шел уже в течение нескольких предшествующих столетий. Именно им было обусловлено постепенное сокращение числа политических образований на истори-

ческой карте Европы – с нескольких сотен в 1500г. примерно до 25 к 1900 г. [8.]

Потрясения французской революции, ужасы наполеоновских войн, возникновение национальных армий, пробудили в обществе интерес к массовым национальным движениям и к отечественной истории. Нации обретали, кажется, исторический опыт [9.] Одним из первых европейских философов в роли идеолога национального государства выступил Фихте. Начав свою деятельность с активной защиты правового государства и общественного договора, в духе Локка и Руссо, он, после наполеоновских войн и под воздействием борьбы немцев за свое освобождение от иностранного владычества и объединение Германии, переходит на позиции национализма, отдавая приоритет в государственном устройстве общества национальному началу, выраженному в нравственном духе и языке данного народа, перед формально-правовым. Национализм становится лозунгом немецкой буржуазии, в значительной степени направленным против либеральной идеи «всемирного гражданства». В данном случае идея национального государства выступает как антипод правового государства с его принципом формально-юридического равенства людей. В Германии этот процесс был обращен **вовне** (освободительные и объединительные движения), и германская идея нации оказалась *этнической*, построенной на «крови и почве» (*Blut und Boden*). Не случайно именно в Германии затем расцвел расизм.

Более основательное понимание идейных оснований и реальных функций «нации-государства» возможно лишь с точки зрения исторической взаимосвязи политического государства и гражданского общества. Осмысление западноевропейского опыта строительства «наций-государств» в XIX столетии постепенно привело к выработке взгляда на нацию как на «согражданство», как совокупности граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения.

Литература:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - С.17
2. Pejovich S. The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development. // *Markets and Morality*. – 1999. – Vol. 2. - № 2.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения, т. У11, с. 212-213.
4. Шиллер Ф. Собр.соч.. В 8-ми т. М.; Л., 1937. Т. 7, С. 547.

5. Martelli R. La Nation: Ethnics, formation sociales, traditions, luttes politiques en France. P., 1979, p.25
  6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.5, с.377-378
  7. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 1992.- С443-444.
  8. Barraclough G. The Times Concise Atlas of World History. Lnd., 1982, P.79.
  9. Фейхтвангер Л. Собр. соч., т.6, кн.1. М., 1990, с.589-592)
-